

...Прядь тяжелых волос выбивается из под белой шапочки, а в большие глаза, кажется, выплеснулась синева бескрайнего моря. Приветливая, добрая, милостивая женщина внимательно осматривает меня. Чувствую и себя неважно, резкие боли в области сердца...

Осторожные руки прощупывают пульс... Потом врач замеряет артериальное давление. Оно очень низкое. Тревожные данные электрокардиограммы подтверждают диагноз — инфаркт. Страшное слово.

Моя жизнь в руках

СПАСИБО, ДОКТОР!

этой женщины. Слышу короткие, отрывистые команды: «Шприц... Сделать капел... Внутривенно...»

Так я познакомился с Маргаритой Семеновной Зак. Познакомился с человеком, влюбленным в свое дело, отдающим этому благородному делу всего себя.

В 1949 году Маргарита Семеновна, закончив Свердловский медицинский институт, начала свою медицинскую практику в небольшом ураль-

ском городке Красноуфимске. Потом приехала в Магнитогорск. Молодого врача-терапевта направили работать ординатором в доменный цех. Десять лет М. С. Зак стояла на страже здоровья доменщиков. За эти годы завоевала всеобщее признание коллектива. И по сей день, хотя она уже давно не работает в этом цехе, в ее адрес можно услышать здесь самые теплые слова.

Постоянно повышая свою квалификацию,

Маргарита Семеновна закончила курсы усовершенствования врачей в Ленинградском медицинском институте. Сейчас она врач-эндокринолог в медсанчасти комбината.

Немало жизней спасла эта женщина. Она лечит людей и самым хорошим лекарством — добрым, теплым словом. А оно много значит для больного...

Товарищи по работе называют Маргариту Семеновну неугомонной: она всегда недовольна собой,

постоянно ищет самые эффективные методы лечения.

...Я часто встречаюсь с Маргаритой Семеновной. И не раз слышал, как благодарили ее бывшие больные: «Спасибо, доктор!»

Об этом добром человеке стоит рассказать в газете.

В. ВОЛКОВ,
наш нештатный
корреспондент.

НА СНИМКЕ Маргарита Семеновна Зак.
Фото автора.

ЗАСЛУЖИЛ УВАЖЕНИЕ ЛЮДЕЙ

Восемнадцать лет назад Степан Лукашук, высокого роста, серьезный, совсем молодой тогда парень, впервые появился в цехе металлоконструкций. Вначале чувствовал себя неловко возле гильотинных ножниц, куда сам пожелал идти работать. Потом подтянулся и стал дельным подручным резчика.

Уже через год Степану присвоили квалификационный разряд резчика. За это время Лукашук успел досконально изучить гильотинные ножницы, подробно ознакомиться с организацией труда. Став полным хозяином у машины, Степан пробовал новые приемы труда, старался дать ножницам максимальную нагрузку.

Поиски были небезплодными. Сменные задания Степан Лукашук перекрывал постоянно. А сейчас для него стало нормой выполнение плана на 135—145 процентов. И никого в цехе не удивляют частые поощрения передового труженика денежными премиями, почетными грамотами.

Как должно было воспринято в цехе и присвоение Степану Ивановичу почетного рабочего звания «Ударник коммунистического труда».

«Резчик-богатырь», так в шутку называют в цехе Степана Ивановича. Пятнадцать тонн металла в смену — это действительно богатый размах. Изюм дня в день кроит Лукашук на своих гильотинных ножницах из гулкого листового металла детали для громоздких, но надежных металлоконструкций. И накроил ни много ни мало за годы работы в цехе более восьмидесяти тысяч тонн стальных деталей.

За ударный труд С. И. Лукашук награжден медалями «За трудовое отличие» и юбилейной, в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. А главное, он заслужил уважение людей.

С. НЕННО,
наш общественный
корреспондент.

У Владимира Дмитриевича Плотникова две дочери и два взрослых сына. Младший, Сергей, работает лудильщиком в третьем листопрокатном цехе. Старший, Анатолий, вместе с отцом трудится на железно-дорожном транспорте комбината. Владимир Дмитриевич — помощник машиниста электровоза, Анатолий — сцепщик.

Позднее утро. Сергея дома нет. Спит после ночной смены Анатолий. Сидим с Владимиром Дмитриевичем за столом, друг против друга. Он небольшого роста, очень подвижен. Взгляд умный, цепкий. Одет просто — не привык менять ежедневно наряды.

Он только что с улицы. «Опять был на бочках», — недовольно ворчит жена. «Был на бочках» — это значит Владимир Дмитриевич пропустил стаканчик в питейном заведении, расположенном в их квартале.

— Выходной у меня сегодня, — поясняет Владимир Дмитриевич, — жизнь у меня не сладко сложилась, горя хлебнул во как, — и он проводит рукой у горла. — Если и выпью стаканчик, так мне, можно сказать, положено. Деньги я не пропиваю.

— Все, все отдает с полочки, до копейки, ничего не скажешь, — замечает его жена.

— Телевизор у нас есть, холодильник, — продолжает Владимир Дмитриевич, — вот полы к эсэне покрасим, матрацы заказал. Много ли денег там, старикам, надо. Дети взрослые, денежки могут зарабатывать. А у меня уже силенок мало-зато. Старший мой, Толька, парень как парень: не пьет, не курит, денежки зарабатывает. Армию отслужил. Из части, где он служил, благодарственное письмо получал — хорошо служил. А вот с Сережкой что-то неладитое творится: к вину пристрастился, прогуливать на работе стал. Расстраивает это меня, а выпью стаканчик, и успокоюсь, на душе вроде бы легче становится. А ведь я их четверых выхордил, не бросил, поил, кормил — один, можно сказать... Первая жена Владимира Дмитриевича померла,

когда старшему сыну восьмой год шел. А без хозяйки что за семья? Тяжко пришлось и ему, и детям. Теперь вроде бы все это позади...

Многое пережито. Владимир Дмитриевич на фронте был. Отвоевал, вернулся, а семейная жизнь вот как обернулась. Надломилась она в чем-то его душу и когда-то оборвалась невидимая нить, которая, может быть, и есть та единственная, главная, которая навсегда сближает детей и отцов.

ему тоже трудно, не меньше, чем отцу. В последнее время Сергей окончательно запутался в своих мыслях и поступках и не понимал, что с ним происходит. Все, что его окружал, желали ему только добра, Сергей это чувствовал и почти всегда соглашался со старшими, но каждый раз делал по-своему.

Изо дня в день — почти месяц — Сережа брал обеденный рубль и говорил домашним, что идет на работу, а сам направлялся к друзьям или

на душе.

«Ко мне домой приходил мастер. Он со мной беседовал и сказал, чтоб я вышел на работу. Я дал слово, но не сдержал. Так как я не сдержал слово, то на другой день не решился выйти, и у меня стал второй день прогула в этом месяце. Потом так пошло и пошло... Родителей я обманывал... и так я гулял до самого 7 января 1971 года. Перед этим прежде чем выйти на работу, я не спал всю ночь и решил покончить с этим

новый прогульщик лудильщик товарищ Плотников», отчаяние и бессилие перед увлекающей силой табака и вина. Стыд.

У него за плечами девять классов, техническое училище, есть трудовая книжка, гражданский паспорт и масса неприятностей. Есть семья, но отец с сыном по-разному мыслят, по-разному живут, о разном мечтают и думают.

Впереди — и на всю жизнь — у Сергея Плотникова работа, требовательные, неотступные и трудолюбивые люди, для которых этот восемнадцатилетний человек — и мужчина, и ребенок одновременно.

Быть взрослым — это значит найти с ними общий язык, не хныкать, не обижаться на строгость и требовательность. Именно ему, Сережке, найти с ними общий язык, понять их и полюбить.

А его в коллективе давно уже поняли. И, может быть, потому что поняли, «возлились» с ним, как с маленьким. В бригаде, где работал Сережа, каждый знает о нем больше, чем он сам предполагает. Зная о его наклонностях, в бригаде все же решили поставить парня на лучший комсомольско-молодежный автомат. Сергей только-только пошел работать и уже получил за месяц 180 рублей. Ему прощали опоздания. Прогуливал — сделали скидку на «начало пути». Не отвернулись, не оставили его в беде. И сейчас предлагают попробовать свои силы в художественной самодеятельности, в стенной печати: Сергей неплохо играет на баяне и хорошо рисует. Недавно бригада мастера Гусева взяла по его просьбе и желанию.

Коллектив много сделал для Сережки и сделает еще больше, если Сергей Плотников много сделает для коллектива.

«По-моему, воля у меня есть. Однажды в гостях я сказал себе, что больше рюмки не выпью — и не стал. Месяц даже не курил... Самолюбия у меня не хватает...»

Воля нужна теперь Сергею для большего.
В. КУЧЕР.

НЕЛЕГКО БЫТЬ ВЗРОСЛЫМ

— Я ему, Сергею, внушаю, — продолжал Владимир Дмитриевич, — что надо уметь и денежки зарабатывать, и в жизни устроиться. Понимать должен что к чему...

— Погоди ты, погоди, — останавливает его молчаливый до этого сосед Плотниковых. Он пришел вместе с Владимиром Дмитриевичем.

— Вы по какой части? — обращается он ко мне. — Ну-ка, документки.

Он внимательно изучает редакционное удостоверение.

— По телевизору, что-ль? А то у меня тоже того...

— По каким по телевизорам! Иди ты домой, протрезвись, иди, — гонит его хозяйка квартиры, — боже мой, сил моих больше нет...

— Она у нас простая, заботливая. Все для нас делает: варит, шьет, убирает. Привязана она к нам, — вводил меня Сергей в суть семейных дел. — Я иногда, правда, грубоват бываю с ней... а после стыдно. Извинюсь.

Сергею Плотникову — семнадцать. Внешне он очень похож на своего отца: ростом невелик, подвижен, светловолос. И

«в картину». Не раз к нему домой приходили из цеха взрослые, уставшие после смены люди. Беседовали с ним. Сергей клялся, что выйдет на работу, — по-прежнему не выходил. Если были деньги, выпивал с друзьями, но, в отличие от отца, это «средство» его не успокаивало. Ему противно и тошно от своих поступков. Надоело лгать, изворачиваться, лгать. Мучил стыд. Надоело беседы, всякие разбирательства. Он не знал, что делать, и катился куда-то вниз, не имея сил сопротивляться, и страдал от того, что все это создавал. Отец читал ему нравоучения, но Сергею это было ни к чему — он не видел рядом с собой, в своей семье, ничего из того, что могло бы подтвердиться в жизни. В семье никто и ничто его не убеждало. Ему казалось, что если уж он сам не в состоянии разобраться в собственной душе, противоречивой, сложной, то разве поймут ее другие. Он часто думал об этом и попробовал даже помочь взрослым «раскусить» себя — так страстно хотелось ему, чтоб было легко и свободно

раз и навсегда. Бросить с этим — это одно, а вот как отнесется к этому рабочий коллектив — я этого боялся. Ведь за мной этих прогулов, голова кругом идет. Когда я вышел, то мне предстоял разговор (и это не первый) с начальником т. Васильевым, зам. начальника т. Добронравовым, нач. лудильного отделения т. Кувшиновым, а также с мастером цеха. Они не знали, что со мной делать, это, конечно, понятно и мне самому.

13 января 1971 года меня будут разбирать на комсомольском собрании. Я не знаю. Они решат — ведь поведет весь коллектив. Они из-за меня потеряли первое место, да вообще я не должен, находиться в этой бригаде. Я готов понести любое наказание, только чтоб вернуть к себе доверие. Даю слово, что это больше не повторится никогда. Поверьте мне в последний раз», — писал Сергей в объяснительной записке на имя начальника цеха.

Оказывается, не просто стать взрослым и не легко им быть. Может произойти и так, как случилось это у Сережки. На пороге жизни: «злост-